

© 1990 г.

ГИРО-ВЕБЕР М.

ВИД И СЕМАНТИКА РУССКОГО ГЛАГОЛА

Исследовав глагольный вид в славянских языках с точки зрения морфологии, синтаксиса и семантики, аспектология все чаще и чаще обращается к изучению семантики самого глагола, глагольной основы. В самом деле, при учете семантики глагола становится возможным объяснить некоторые, пока еще не решенные вопросы, вызывающие споры среди лингвистов. Одним из первых, кто обратил внимание на связь семантики русского глагола с грамматической категорией вида, был Ю. С. Маслов. В своей пионерской статье «Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке», опубликованной в 1948 г., Ю. С. Маслов объясняет видовую непарность русского глагола и закладывает основы изучения семантики видовых противопоставлений [1, с. 148—165]. Впоследствии он применяет к анализу русского глагола оппозицию предельность / неопределенность [2]. Понятие предельности / неопределенности используется также другими исследователями, в частности А. В. Бондарко, Н. С. Авиловой, Н. Телином, М. А. Шелякиным, В. Бром, Х. Р. Мелигом, Ф. Леманном, Р. Брехтом и др. [3; 4, с. 20—28; 5 — 15], а также авторами последней Академической грамматики (далее — Гр.-80) [16, с. 589 — 604].

В Гр.-80 предельность представлена как семантическая категория русского глагола, объясняющая, по крайней мере частично, видовую несоотносительность. Предел действия определен как некая критическая точка, к которой стремится действие; по достижении этой точки действие прекращается, исчерпав себя. Только предельные глаголы (или точнее: глаголы с предельной основой) обладают признаком внутреннего предела: если они совершенного вида, то выражают достижение этого предела, если несовершенного — стремление к его достижению.

Непредельные глаголы (или точнее: глаголы с непредельной основой) не выражают внутреннего предела и остаются вне видовой оппозиции как непарные глаголы несовершенного вида. Однако действие или состояние, которое они выражают, может быть ограничено во времени. Временной предел фиксирует либо начало действия (*зачесть*), либо его окончание (*отговорить*), либо временной отрезок его протекания (*полежать*), либо ограничение действия одним актом его совершения (*прыгнуть*). Временной предел выражается некоторыми префиксами и суффиксом одноактного действия *-ну*, он присущ непарным глаголам совершенного вида. Ограниченность действия временным пределом совместима с непредельной основой, которая, сочетаясь с определенным аффиксом, порождает непарные глаголы совершенного вида. Итак, признак предельности / неопределенности является семантическим свойством глагольной основы и обуславливает принадлежность глагола к одному из трех видовых классов: а) непарные глаголы несовершенного вида (глаголы с непредельной

основой); б) парные глаголы (глаголы с предельной основой); в) непарные глаголы совершенного вида (глаголы с временным аффиксом).

Анализ глагольной семантики в Гр.-80 преодолевает, таким образом, два недочета предыдущих описаний. Один из них касается универсальности видовой оппозиции. В самом деле, в описаниях предыдущих академических грамматик видовая оппозиция не охватывала всех глаголов, поскольку из нее автоматически исключались непредельные глаголы. В таких условиях принцип универсальности видового противопоставления казался голословным. Вторым недочетом, вытекающим, впрочем, из первого, было представление совершенного вида как несовместимого с непредельностью. Все это в свое время отмечалось и критиковалось Н. Телином [6, с. 1—3; 7, с. 26—28]. Введение понятия временного предела, посредством которого непредельные основы дают в результате глаголы совершенного вида, позволяет устранить эти недостатки. Тем не менее в Гр.-80 не объясняется, например, почему глаголы типа *очутиться*, *опомниться*, *скончаться*, т. е. глаголы без временных аффиксов, принадлежат к классу непарных глаголов совершенного вида. Мало говорится о взаимосвязи лексической семантики с грамматической категорией вида и не указывается, как семантика глагола влияет на функционирование видо-временных и видо-модальных форм.

Опираясь на семантическую классификацию английского глагола, сделанную Э. Вендлером [17], Х. Р. Мелиг предлагает несколько другой анализ. По его мнению, русские глаголы, как и английские, делятся на четыре класса: 1) глаголы исполнения (accomplishments): *писать* / *написать письмо*; 2) глаголы деятельности (activities) *бегать*; 3) глаголы достижения (achievements): *находить* / *найти ключ*; 4) глаголы состояния (states) *знать*. Разделение глаголов на эти классы производится Вендлером на основании, главным образом, двух критериев: а) может ли данный глагол употребляться в продолженной форме (Continuous)? б) сочетается ли данный глагол с так называемыми инклюзивными обстоятельствами времени (типа *in two hours* «за два часа»)?

Продолженная форма, возможная для глаголов исполнения и деятельности, не употребляется в остальных классах. Что касается инклюзивных обстоятельств времени, они сочетаются только с глаголами исполнения и достижения и невозможны при глаголах деятельности и состояния. Хотя в русском языке нет продолженной формы, ученый находит в системе русского глагола подобные классы. Глаголы исполнения (соответствующие непредельным глаголам в других описаниях) обозначают ситуации, которые не могут быть завершены, но только прерваны. Глаголы достижения в несовершенном виде всегда интерпретируются неактуально (при условии, что они соотносятся с однократным событием): в самом деле, они не могут обозначать длительных ситуаций (**Игорь уже находил то, что он потерял*). Глаголы состояния обозначают всегда неактуальные ситуации. Сочетаемость с инклюзивными обстоятельствами времени типа *за два часа* похожа на сочетаемость классов английского глагола. С точки зрения видовой соотнесенности, глаголы исполнения и достижения образуют видовые пары, а глаголы деятельности и состояния остаются непарными глаголами несовершенного вида. Тем не менее перфективация глаголов деятельности возможна: она производится при помощи префиксов, выражающих способ действия; глаголы же состояния совершенного вида не имеют. Другие семантические черты, связанные с видом, отмечаются ниже. Описание не предлагает списков глаголов, принадлежащих к каждому классу, и даже исключает возмож-

ность их составления, поскольку принадлежность глагола к одному из классов зависит не только от его синтаксических свойств, но также от смысла целого предложения, а иногда даже от некоторых внеязыковых обстоятельств. Случается, что один и тот же глагол функционирует в разных высказываниях как представитель разных семантических классов [11, с. 246].

Хотя анализ Мелига очень интересен, он слишком много заимствует от описания английского глагола Вендлером, что не всегда обосновано на русской почве. Так, например, на наш взгляд, не стоит различать в русском глаголы исполнения и состояния: они образуют один класс, хотя в английском они несомненно морфологически и функционально различны: ведь только глаголы исполнения допускают продолженную форму. Во-вторых, анализ Мелига обходит молчанием непарные глаголы совершенного вида, и вопрос о том, к какому семантическому классу их причислить, остается открытым. Думается, что описание системы русского глагола следует уточнить и, главным образом, более наглядно показать взаимосвязь семантики глагола с видом.

Хотя признак предельности несомненно играет определенную роль в глагольной семантике, выбор именно этого признака для названия глаголов в описаниях аспектуальной системы нам кажется не совсем удачным. Во-первых, действие или состояние, не стремящееся ни к какому внутреннему пределу, может быть ограничено пределом извне: как было отмечено выше, добавление определенного аффикса к неопредельной основе придает глаголу временной предел. И сам термин «предел» становится при этом двусмысленным: имеется ли в виду та критическая точка, к которой естественно направлены некоторые действия и которая завершает их протекание во времени, или внешняя граница, не имеющая ничего общего с типом действия или состояния? Наряду с этим возражением логического характера существует другой, чисто лингвистический довод. Присутствие или отсутствие внутреннего предела не предопределяет вида глагола: перфективация и предельных и неопредельных глаголов возможна. Таким образом, то, что традиционно названо предельностью, не связано непосредственно с видом. Существование внутреннего предела — это только одно из условий появления и з м е н е н и я в глагольной ситуации. В самом деле, достижение внутреннего предела и, следовательно, исчерпание и завершение действия неизбежно вызывает изменение либо субъекта, либо объекта действия. Изменение — семантический признак глагольной ситуации. Оно обозначает некую модификацию, касающуюся субъекта или объекта действия, вызванную достижением предела действия и, следовательно, его завершением. Присутствие изменения связано с совершенным видом; его отсутствие — с несовершенным. Поскольку изменение непосредственно влияет на вид, оно в центре нашего внимания. Отметим, что понятие это мы заимствуем из трудов итальянских лингвистов Ф. Антинуччи и Л. Геберт, использующих его для описания семантики вида в польском языке [18, 19]¹. Кроме того, мы считаем релевантным другой семантический признак глагольной ситуации: протекает ли она постепенно, предполагая некоторую прогрессивность накопления признаков, или, наоборот, эффект действия осуществляется мгновенно и нет никакой возможности наблюдать его в протекании? В связи с этим наша терминология отличается от традиционной: она использует семан-

¹ Кроме Антинуччи и Геберт, понятие «изменения» в аспектологии используется Е. В. Падучевой [20].

тические черты глаголов, непосредственно связанные с видом, что, пожалуй, более адекватно отражает суть проблемы.

Прежде чем перейти к нашей классификации, необходимо уточнить, что под термином «глагол» мы понимаем глагольную лексему в целом, функционирующую в конкретном высказывании. Это единица лексики, обладающая определенными синтаксическими свойствами, а не единица лексикографии, задуманная как заглавное слово в словаре и объединяющая множество разных употреблений. Учитывая замечания Вендлера и Мелига, касающиеся влияния смысла предложения и даже некоторых внеязыковых данных на принадлежность глагола к семантическому классу [11, с. 235—238, 241—243, 246—249], мы отличаем, например, *писать*, *писать*, непарный глагол несов. вида со смыслом «быть писателем, заниматься писательской работой» от видовой пары *писать* / *написать что-либо*, выражающей конкретное действие составления какого-либо текста. Можно пойти еще дальше и говорить, как предлагает Р. Д. Брехт, не собственно о глаголах, а о ситуациях, которые они обозначают [15].

В нашей классификации глаголы делятся на три класса: 1) адинамичные глаголы (или ситуации); 2) динамично-постепенные глаголы (или ситуации); 3) динамично-моментальные глаголы (или ситуации)². Классификация основана на двух критериях, отвечающих семантическим признакам, свойственным глагольному действию и характеризующим его протекание: а) присутствие изменения, вызываемого действием; б) постепенность осуществления действия.

Адинамичные глаголы обозначают процессы, не нацеленные на изменение, которому мог бы подвергнуться субъект или объект действия. Эти процессы сами по себе не предполагают никакого развития: от начала до конца их внутреннего протекания их интенсивность не меняется. К адинамичным глаголам принадлежат и типично статальные глаголы, обозначающие существование, состояние или отношение типа: *быть*, *существовать*, *присутствовать*, *сидеть*, *лежать*, *стоять*, *иметь*, *принадлежать*, *стоить* и т. п., и глаголы восприятия и чувства, как *видеть*, *слышать*, *любить*, *ненавидеть*, и даже некоторые глаголы действия, как, например, глаголы перемещения: *ходить*, *плавать*, глаголы жестов и движения: *махать рукой*, *кивать головой*, глаголы слова и звука: *шуметь*, *петь*, *кричать*, глаголы профессии: *врачевать*, *петь в опере*, глаголы временного занятия: *играть*, *гулять* и т. п.

Говоря, что адинамичный глагол не нацелен на изменение, мы утверждаем, что действие или состояние, которое им называется, не предусматривает никакого заранее известного результата, неизбежно вызванного его завершением. Например, ситуация, описываемая в высказывании *Ребенок кричит*, хотя она, вероятно, имеет какие-то последствия во внеязыковой действительности (например, обращая на кричащего ребенка внимание матери), не рассматривается нами как ситуация, ведущая к результату, поскольку она сама по себе не предполагает никакой другой ситуации, отличной от той, которая предшествовала действию. Чтобы говорить о результате в лингвистическом смысле, нужно не только, чтобы ситуация, существующая по окончании действия, отличалась от ситуации, предшествовавшей действию, но чтобы перемена ситуации заранее предусматривалась самим действием и неизбежно следовала за его завершением.

Обобщая, можно сказать, что ситуации, обозначаемые адинамичными глаголами, не вызывают изменения и не предполагают постепенности.

² Предлагаемая классификация опирается на труды Г. Гийома [21] и К. Бланш-Бевенист [22—23] в области французского глагола.

Подавляющее большинство адинамичных глаголов — непарные глаголы несовершенного вида. Это главным образом беспрефиксные глаголы.

Наоборот, динамичные глаголы нацелены на изменение, касающееся субъекта или объекта действия.

Динамично-постепенные глаголы обозначают ситуации, которые продвигаются к своему внутреннему пределу. Достижение предела исчерпывает и автоматически завершает действие. В результате завершения действия возникает ситуация, отличная от той, которая предшествовала действию. Глаголы эти входят в видовую оппозицию, образуя регулярные пары. Несовершенный вид обозначает при этом продвижение действия к пределу, а совершенный — достижение предела и наступившее после него изменение. Например, в паре *раздеваться/раздеться* завершение действия неизбежно приводит субъект к состоянию, в котором он будет раздетым, а в паре *посылать/послать деньги* влечет за собой ситуацию, в которой деньги — объект действия — будут посланы [24]. Изменение — это либо конкретный результат действия: *написать роман, связать шапочку*, либо приобретение нового признака субъектом или объектом: *побледнеть, укрепить сооружение*, либо перемещение субъекта или объекта: *уехать, убрать чемодан* и т. п. Несовершенный вид может иметь конативное значение, противопоставляясь совершенному; в этом случае усилия субъекта для достижения результата наглядно показывают постепенное развитие действия: *Он долго решал задачу и наконец решил*. Динамично-постепенные глаголы соответствуют глаголам исполнения в классификации Вендлера — Мелига. Но глаголы исполнения охарактеризованы прежде всего как предельные и совместимые с некоторыми обстоятельствами времени, тогда как динамично-постепенные глаголы определяются с помощью признаков изменения и постепенности.

Динамично-моментальные глаголы также обозначают действия, нацеленные на изменение, но эти действия нельзя наблюдать в развитии, они не развертываются во времени. Действие может быть показано только в завершении, как готовое, уже свершившееся событие. В терминологии Т. В. Булыгиной это предикаты мгновенного осуществления [25, 26]. Динамично-моментальные глаголы принадлежат или к парным глаголам, или к непарным глаголам совершенного вида. В видовых парах совершенный вид обозначает изменение ситуации, приобретение нового состояния, несовершенный вид — повторительность действия; в обоих случаях нет возможности представить действие в его протекании. В этом разряде много широко употребительных глаголов, таких, как *приходить/прийти, приезжать/приехать, случаться/случиться*. Среди них некоторые глаголы обозначают случайные, произвольные действия: *промахиваться/промахнуться, встречать/встретить (кого-либо случайно на улице), терять/потерять (что-либо конкретное), находить/найти (что-либо конкретное)* и т. п. Показательно, что эти глаголы, будучи регулярными с точки зрения морфологии, дефектны функционально: они не обладают значением длительности. В самом деле, несовершенный вид не способен употребляться ни для обозначения настоящего актуального, ни прошедшего и будущего длительного (иногда называемого процессным). В частности, эти глаголы не сочетаются с обстоятельствами типа *долго*, и высказывания **Он долго промахивается // приходит !!! приезжает, *Он долго промахивался // приходил // приезжал* неграмматичны («ungrammatical»). Отсутствие этих форм вызывает ситуацию, в которой банальная фраза *Что случилось?* невозможна в настоящем времени в применении к актуальной ситуации, вместо обыкновенной временной трансформации нужно прибегнуть к замене глагола

синонимом: *Что происходит?* Как это давно отметил Ю. С. Маслов, который одним из первых описал глаголы этой группы, нельзя сказать, описывая актуальное происшествие: **Смотри, он к нам приходит*, но только *Смотри, он к нам идет* [1, с. 63]. Наоборот, если речь идет о повторяющихся действиях, *случаться* и другие динамично-моментальные глаголы вполне естественны: *Это случается только весной; Он часто к нам приходит* и т. п.

К динамично-моментальным глаголам принадлежат также непарные глаголы совершенного вида. Невозможность значения длительности действия в этих глаголах связана с отсутствием несовершенного вида, т. е. с видовой дефектностью. Среди них есть такие глаголы, для которых вообще нельзя подобрать соответствующие формы совершенного вида — это абсолютные perfectiva tantum: *хлынуть, рухнуть, очутиться, скончаться, поскользнуться, заблудиться* и т. п. Все они обозначают внезапное, резкое или окончательное изменение. Этот факт нам кажется показательным. В самом деле, отсутствие форм несовершенного вида здесь закономерно: он семантически лишний, поскольку возникновение неожиданного события не нуждается в предварительном процессе. Таким образом, сам набор языковых средств показывает, что действия типа *хлынуть, рухнуть* совершаются внезапно и не подготовлены каким бы то ни было процессом.

Но среди динамично-моментальных глаголов есть и такие, которые в определенных условиях можно соотносить с беспрефиксными глаголами несовершенного вида: это относительные perfectiva tantum. Тем не менее образованные таким образом пары нерегулярны, потому что глаголы в них семантически неоднородны и отличаются друг от друга лексическим значением. Носителями смысловой разницы являются разные аффиксы, как правило, временного ограничения, как, например, приставки начнательные *за-, по-, воз-* (*закричать, побежать, возненавидеть*), финитивные *от-, про-, раз-* (*отобедать, прошептать, разлюбить*), дуративные *по-, про-, пере-* (*почитать, проговорить полчаса, переждать грозу*), приставка одноактного действия *с-* (*сходить на почту*) и суффикс *-ну-* в глаголах типа *крикнуть*. Присутствие аффикса временного ограничения, как правило, препятствует деривации и образованию несовершенного вида, что влечет за собой видовую дефектность. И хотя в некоторых случаях деривация возможна (*закурить — закуривать, просидеть — просиживать*), мы называем аффиксы этого типа «моноаспектуальными». С точки зрения глагольной семантики в описываемых глаголах понятие изменения смешивается с понятием самого действия, поскольку действие само по себе представляет собой изменение. Так, например, ситуация, указанная в высказывании *Он пролежал два часа*, содержит информацию, что действие продолжалось не более (и не менее) двух часов, значит, до него и после него субъект был обязательно занят другим действием (или другими действиями). Таким образом, указанная ситуация представляет собой изменение в сравнении с тем, что предшествует и что следует. Если глаголы этой группы допускают имперфективацию, несовершенный вид не обладает, как правило, значением длительности и пары типа *просиживать/просидеть* присоединяются к группе *случаться/случиться* и не покидают класса динамично-моментальных глаголов.

Следует отметить, что в некоторых морфологически однородных видовых парах глаголы различаются семантически. Так, *понять* принадлежит к динамично-моментальным глаголам с ингрессивным значением, тогда как его парный глагол *понимать* адинамичен, обозначает состояние: *понимать/понять* — функционирует как *любить/полюбить*.

Классификация Мелига учитывает только парные глаголы этого класса: они там причисляются к глаголам достижения [11, с. 239—241]. Непарные глаголы совершенного вида, хотя они многочисленны в русском языке, не упоминаются. Предложенные нами семантические классы охватывают все глаголы русского языка: непарные несовершенного вида, видовые пары и непарные совершенного вида. Они распределены по семантическим классам с учетом их видовой регулярности или дефектности; иначе говоря, предложенные семантические классы отражают формальные типы видового противопоставления. Подобные анализы были предложены В. Броем [10, с. 125] и Ф. Леманном [12, с. 72—75], которые также различают три класса русских глаголов, называя их, конечно, иначе³.

Теперь следует поставить вопрос, кажущийся нам основным: каким образом использовать эти данные в целях объяснения видовых противопоставлений и конкретного функционирования видо-временных и видо-модальных форм? И, в самом общем понимании, что полезного и нового дает нам этот подход? Мы попытаемся ответить на этот вопрос, проанализировав сначала отношения между глагольной семантикой и видовой дефектностью и затем влияние этой семантики на некоторые конкретные употребления видовых форм.

Видовая дефектность ставит под вопрос связность видовой системы в русском языке. В самом деле, не может быть и речи о том, чтобы свести эту дефектность к небольшой группе исключений, так как она охватывает действительно массу глаголов⁴. Как можно в этих условиях утверждать, что русские глаголы организованы бинарно? Анализ глагольной семантики позволяет понять, что глаголы бывают парными или непарными не случайно, а в зависимости от своих семантических свойств и что их бинарная организация — результат длительных и сложных процессов⁵.

Начнем с непарных глаголов несовершенного вида. Эти глаголы семантически адинамичны, т. е. обозначают ситуации, не приводящие ни к какому изменению. Поскольку изменение связано с совершенным видом, естественно, что он несовместим с их семантикой. Непарность адинамичных глаголов, таким образом, закономерна.

В непарных глаголах совершенного вида, принадлежащих к классу динамично-ментальных, совмещаются два значения: значение изменения, выраженное термином «динамичный», и значение отсутствия постепенности, содержащееся в термине «ментальный». В этих глаголах действие не наблюдается в своей продолжительности и не может быть отделено от своего результата. Поскольку они не способны называть сам процесс действия, а этот последний выражается несовершенным видом, этот вид здесь не нужен и его отсутствие также закономерно.

Что касается парных глаголов, большинство из них принадлежит к классу динамично-постепенных. Здесь действие направлено на изменение

³ Наша классификация совпадает, в частности, с классификацией В. Броя, который различает три класса русских глаголов: а) *aterminative Verben*; б) *proces-sual-terminative Verben*; в) *absolut-terminative Verben* [10, с. 125].

⁴ На этот факт обращала внимание, главным образом, Н. С. Авилова, которая считает видовую несоотнесенность системной чертой русского глагола [4, с. 60].

⁵ На сложность бинарной организации русского глагола обратил внимание в своем докладе на последнем Съезде славистов в Софии Ф. Леманн, выдвигая понятие функциональных видовых партнеров и отказываясь от понятия видовой пары [14]. Понятие функционального партнерства расширяет понятие видовой соотнесенности, включая в бинарную систему ту массу непарных глаголов, которая традиционно окзывалась вне видового противопоставления в явном противоречии с реальным функционированием видовых форм.

и продвигается к нему. Эта постепенность, сам процесс действия выражается несовершенным видом. Совершенный же вид выражает достижение изменения. Пары этого класса, единственные в русской лексике, совмещают значение процесса и наступающего после него изменения. Они всегда казались исследователям самыми регулярными; в самом деле, только они обладают полной функциональной парадигмой. Они лучше всех отражают равновесие видовых отношений, поэтому находятся в центре видовой системы.

Однако среди парных глаголов есть и динамично-моментальные, из которых значение постепенности и процесса полностью исключено. В этих парах форма несовершенного вида обладает неполной функциональной парадигмой: из нее исключены самые характерные для несовершенного вида значения ⁶. В сравнении с совершенным видом он кажется здесь второстепенным. Глаголы этой группы занимают промежуточное место между парными глаголами с полной функциональной парадигмой и непарными глаголами совершенного вида.

Итак, место глагола в системе видовых противопоставлений непосредственно зависит от некоторых семантических черт, присущих самой глагольной лексеме. Соответствия между семантическим классом глагола и аспектуальным классом могут быть представлены в следующей таблице:

Семантический класс	Аспектуальный класс
Адинамичные глаголы	Непарные глаголы несовершенного вида
Динамично-постепенные глаголы	Пары с полной функциональной парадигмой
Динамично-моментальные глаголы	1) Пары с неполной функциональной парадигмой 2) Непарные глаголы совершенного вида

Кроме того, семантика глагола влияет на употребление конкретных видовых форм. Есть, конечно, значения, для выражения которых допускается только один вид, безотносительно к семантическому классу глагола: так, например, регулярно повторяющиеся действия обозначаются только несовершенным видом. Но в других значениях выбор видовой формы часто зависит от самого глагола. Это происходит, в частности, при указании на единичное, законченное к моменту речи действие (без учета его длительности): здесь возможны оба вида, и их распределение зависит от семантического класса глагола и от коммуникативной цели высказывания. *Итак, безотносительно к грамматическому времени адинамичный глагол выступает всегда в несовершенном виде, например: *Вчера мы гуляли в парке; Вечером он смотрел телевизор; Завтра мы будем гулять в парке; Вечером он будет смотреть телевизор.*

Динамично-моментальный глагол, в тех же самых условиях, имеет форму совершенного вида: *Она вчера потеряла ключ; Это случилось два года тому назад; Она опять потеряет ключ; Это никогда не случится!*

При глаголах динамично-постепенных оба вида возможны и их выбор зависит от цели высказывания. Если говорящий желает только сообщить, что данное действие имело место и его не интересует вызванное им изменение, он употребляет несовершенный вид; наоборот, если говорящего интересует результат действия, он прибегает к совершенному виду. Ср.: *В пятницу Катя печатала статью; В пятницу Катя напечатала статью.*

⁶ Напомним, что очень долго несовершенный вид определялся как форма, могущая быть ответом на вопрос: «Что ты там делаешь?» [27].

Мы вместе будем готовиться к экзамену; Мы вместе подготовимся к экзамену.

Если законченное действие не может мыслиться без результата (результат неотделим от завершения действия, он неотвратим), говорящий не может от него отвлечься и должен употребить совершенный вид: *В катастрофе погиб мой близкий друг. Его родители развелись.*

Если, наоборот, будущее действие не может мыслиться как результативное, поскольку говорящий не уверен, будет ли в самом деле достигнут результат, совершенный вид неуместен, например: *Завтра он будет сдавать экзамен* и т. п.

Приведенные нами факты общеизвестны, но они получают другие толкования в лингвистической литературе, где редко учитывается глагольная семантика. Вследствие этого, формы совершенного и несовершенного видов, обозначающие единичное, законченное действие, обыкновенно анализируются в разных главах учебников, без учета их параллелизма. Про несовершенный вид тогда говорится, что он выражает либо общефактическое значение, представляя собой простую констатацию действия [28; 29; 16, с. 611], либо что он имеет обобщенно-фактическое значение [30, с. 28—30; 16, с. 611]. Совершенный вид толкуется как обладающий либо перфектным значением [28, с. 22—26], либо конкретно-фактическим значением [30, с. 22; 16, с. 605]. Если бы любая глагольная лексема могла употребляться, например, со значением простой констатации факта действия, допускались бы параллельные серии типа:

А. *В этом магазине я покупала платье.*

**В этом магазине я теряла кошелек.*

Б. *Год тому назад мы отдыхали на юге.*

**Год тому назад случилось несчастье.*

В. *Я виделась с ним в городе.*

**Он заблуждался в городе.*

Ясно, что если каждое второе из приведенных пар высказываний неграмматично, то это обусловлено как раз разницей в семантических свойствах глаголов каждой серии.

Другим примером смешения собственно видового значения с семантикой глагола является толкование выбора вида инфинитива после модального слова *нельзя*. Некоторые авторы ставят смысловую разницу в зависимости только от вида инфинитива и утверждают, что несовершенный вид обозначает запрещение действия, тогда как совершенный вид — невозможность действия [28, с. 81—82]. Здесь также частичное правило и своеобразный оттенок видовой формы некоторых глаголов возводятся к общему видовому значению. В самом деле, смысловая разница этого типа возможна только при глаголах динамично-постепенного класса (*Туда нельзя войти — дверь закрыта; Туда нельзя входить — там спит ребенок*), но она не возникает с другими глаголами. Так, например, адинамичные глаголы выражают оба оттенка несовершенным видом:

Н е в о з м о ж н о с т ь: *Нельзя гулять под дождем. Он был далеко и его нельзя было уже видеть. Таня, я понимаю, меня нельзя уже любить* (Горький).

З а п р е щ е н и е: *Ему нельзя курить. В зале нельзя шуметь.*

Такие примеры можно умножить. Примеры смешения собственно видовых значений со значениями времени, модальности или контекста приводит в своей книге о семантике видовых противопоставлений М. Я. Гловинская [31].

Итак, оказывается, что многие приводимые в учебниках и считавшиеся универсальными видовые значения — это только частные оттенки некоторых типов глаголов в определенных видо-временных или видо-модальных формах. В общем можно сказать, что семантика глагола представляет собой необходимый параметр функционирования видовой системы русского языка. Это никогда не было до конца выявлено и не нашло систематического отражения ни в каком описании⁷. Наоборот, в учебниках предлагаются все новые и новые якобы видовые значения, несмотря на теоретическую сомнительность такого подхода. Поскольку принадлежность глагольной лексемы к семантическому классу оказывается релевантным признаком глагола как носителя аспектуального значения, она должна учитываться при изучении функционирования видов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Очерки по аспектологии. Л., 1984.
2. Маслов Ю. С. Вопросы глагольного вида в зарубежном языкознании // Вопросы глагольного вида. М., 1962. С. 13—19.
3. Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., 1967. С. 28—29.
4. Авилова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976.
5. Thelin N. Towards a theory of aspect, tense and actionality in Slavic. Uppsala, 1978. P. 69—91.
6. Thelin N. О семантике видов в русском языке // VIII Международный съезд славистов. 1978.
7. Thelin N. О соотношении семантики видов и акциональности в русском языке // Papers on Slavonic linguistics. № 3. Stockholm, 1979.
8. Шелякин М. А. Приставочные способы глагольного действия и категория вида в современном русском языке: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1972. С. 24—43.
9. Шелякин М. А. Категория вида и способы действия русского глагола. Tallinn, 1983. С. 157—165.
10. Breu W. Zur Rolle der Lexik in der Aspektologie // Die Welt der Slaven. 1984. Bd XXXIX. № 1.
11. Mehlig H. R. Семантика предложения и семантика вида в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. М., 1985.
12. Lehmann V. Russischer Aspekt und sowjetische Aspektforschung // Handbuch des Russisten. Wiesbaden, 1984.
13. Lehmann V. Understanding in translation and in foreign language teaching: inferences based on verbal and aspectual meaning // Interlingual and intercultural communication. Tübingen, 1986.
14. Lehmann V. Der russische Aspekt und die lexikalische Bedeutung des Verbs // ZSLPh. 1988. Bd XLVIII. Hf. 1.
15. Brecht R. The form and function of aspect in Russian // Issues in Russian Morphosyntax. Columbus, Ohio, 1985.
16. Русская грамматика. I. М., 1980.
17. Vendler Z. Verbs and times // Linguistics in philosophy. Ithaca, N. Y., 1967.
18. Antinucci Fr., Gebert L. L'aspetto verbale in polacco // Ricerche Slavistiche. 1975. XXII—XXIII.
19. Antinucci Fr., Gebert L. Semantyka aspektu czasownikowego // Studia gramatyczne. Warszawa, 1977.
20. Падучева Е. В. Семантика вида и точка отсчета (в поисках инварианта видового значения) // ИАН СЛЯ. 1986. № 5.
21. Guillaume G. Temps et verbe. P., 1965.
22. Blanche-Benveniste C. L'un chasse l'autre. Le domaine des auxiliaires. // Recherches sur le français parlé. 1977. 1.
23. Blanche-Benveniste C. L'importance du français parlé pour la description du français tout court // Recherches sur le français parlé. 1983. V.
24. Guiraud-Weber M. Sémantisme verbal et aspect en russe et en français // RESL. 1986. LVIII/4. P. 591.

⁷ Если не считать попытку автора [32].

25. Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982. С. 63—65.
26. Булыгина Т. В. Классы предикатов и аспектуальная характеристика высказывания // Аспектуальные и темпоральные значения в славянских языках. М., 1983. С. 20—39.
27. Koschmieder E. Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie. Wilno, 1934.
28. Рассудова О. П. Употребление видов глагола в русском языке. М., 1968. С. 37—44.
29. Forsyth J. A Grammar of Aspect: usage and meaning in the Russian verb. Cambridge, 1970. P. 82—87.
30. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М., 1971.
31. Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982. С. 47—70.
32. Cuiraud-Weber M. L'aspect du verbe russe. Aix-en-Provence, 1988.